

**Иногда самые важные слова прячутся между строк,
и чтобы понять их истинный смысл, требуется время.**

**Позвольте истории Лейкен и Уилла постепенно
раскрыть перед вами свои хрупкие крылья.**

**Пусть эта прекрасная бабочка коснется вашего
сердца и подарит настоящую любовь.**

Искренне ваши,
девочки из команды

КОЛИН ГУВЕР

**МЕЖДУ
СТРОК**

МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Г93

Colleen Hoover
SLAMMED

Copyright © 2012 by Colleen Hoover
All rights reserved

Credit shall be given to Atria Books, an Imprint of Simon & Schuster, LLC,
as the original publisher

COLLEEN HOOVER® Registered in U.S. Patent and Trademark Office.
All rights reserved

Cover design by James Iacobelli

В оформлении использованы фотографии:

© Kriachko Oleksii, ayeshestudio, Christine Schmidt / Shutterstock.com /
FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Во внутреннем оформлении использована иллюстрация:

© YUMINA29 / Shutterstock.com / FOTODOM

Используется по лицензии от Shutterstock.com / FOTODOM

Школа перевода
В. Баканова

Перевод с английского *Екатерины Романовой*

Ранее книга издавалась под названием «Ключи от твоего сердца»

Гувер, Колин.

Г93 Между строк / Колин Гувер ; [перевод с английского
Е. Романовой]. — Москва : Эксмо, 2026. — 288 с.

ISBN 978-5-04-235051-1

После смерти отца восемнадцатилетняя Лейкен вместе с матерью и младшим братом переезжает в Мичиган. Девушка кажется сильной, становится опорой для семьи, но в душе переживает шторм.

Все меняется, когда Лейкен знакомится с Уиллом — добрым и привлекательным соседом. Между героями сразу возникает симпатия, и их первое свидание дает обоим надежду на новую счастливую главу.

Но реальность оказывается жестокой. И теперь единственное, что осталось у Лейкен и Уилла, это поэзия, в которой их любовь друг к другу — всегда между строк.

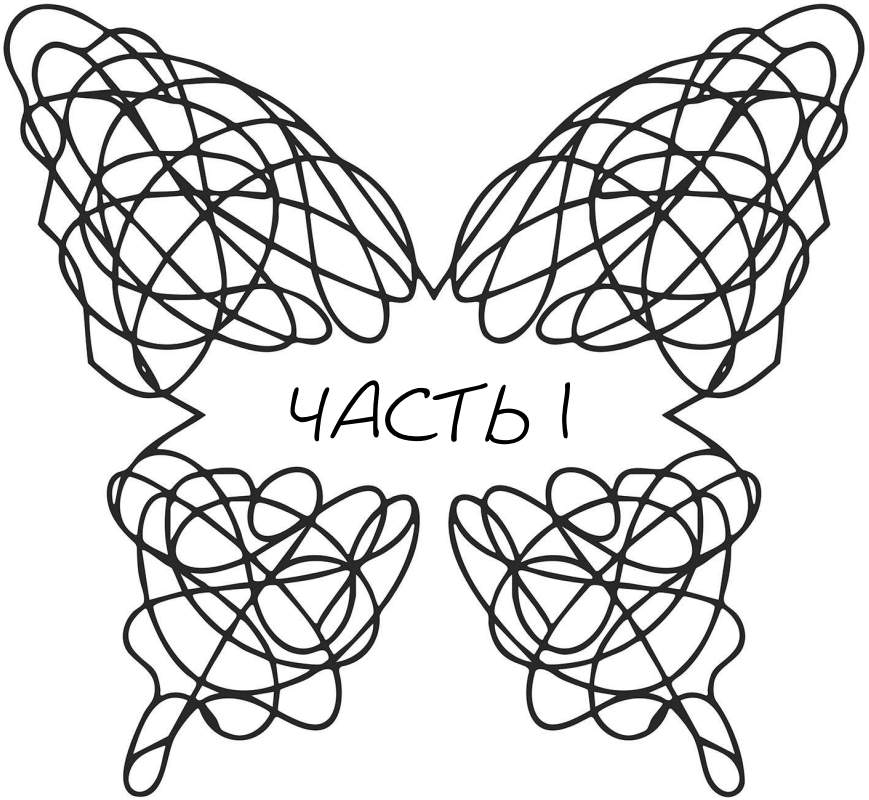
УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Романова Е., перевод на русский язык, 2026
© Издание на русском языке, оформление.
«Издательство «Эксмо», 2026

ISBN 978-5-04-235051-1

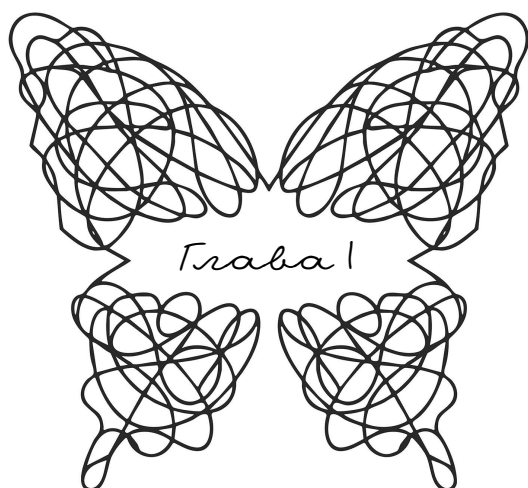
*Посвящается
«Братьям Эйвитт».
Их песни помогли мне «решить,
каким человеком быть, и быть им».*

ЧАСТЬ I

*Мое «я» сбилось с пути.
Поможешь мне его найти?*

«Братья Эйвитт».
«Салайна»¹

Мы с Келом ставим последние две коробки в арендованный фургон, я опускаю дверь и запираю на задвижку восемнадцать лет воспоминаний, каждое из которых неразрывно связано с папой.

Прошло полгода с тех пор, как его не стало. Срок вроде бы немалый: мой девятилетний брат Кел уже не заливается слезами при каждом упоминании об отце. И все же пока наша семья не сумела справиться с финансовыми последствиями потери кормильца. Жизнь в родном Техасе — другого дома я никогда не знала — больше нам не по карману.

— Лейк, ну же, не будь такой пессимисткой, — говорит мама, вручая мне ключи от дома. — Тебе ужасно понравится Мичиган, вот увидишь!

---

¹ Песня «Salina» группы «The Avett Brothers».

Она никогда не называет меня полным именем. Все девять месяцев беременности они с отцом спорили, как меня назвать. Маме нравилось имя Лейла — как в песне Эрика Клэптона, а папа настаивал на Кеннеди — в честь Кеннеди. «Любого Кеннеди, — говорил он. — Я их всех обожаю».

На третий день после моего рождения их вынудили определиться, и они пошли на компромисс: взяли первые слоги от обоих имен и соединили. По документам я стала Лейкен, но никто никогда так меня не называл.

— Мам, ну же, не будь такой оптимисткой! — передраниваю я ее. — Мне ужасно не понравится Мичиган, вот увидишь!

У мамы есть особый дар: один малюсенький взгляд на тебя бросит, а уже кажется, что целую лекцию прочитала. Сейчас этот красноречивый взгляд достается мне.

Поднимаюсь на крыльцо и напоследок еще раз обхожу дом, прежде чем навсегда запереть дверь. Все комнаты опустели. Выглядит жутковато. Не верится, что я иду по дому, в котором родилась и выросла. Последнее полгода нас крутит в вихре совершенно неожиданных — и исключительно скверных — эмоций. Переезд был неизбежен, я понимаю. Просто я надеялась, что хотя бы школу успею окончить.

Заглянув в теперь уже бывшую кухню, я вдруг замечаю на полу под навесным шкафчиком, там, где раньше стоял холодильник, пластмассовую фиолетовую заколку. Подбираю, стираю с нее пыль и верчу в руках, сгибая и вновь разгибая.

В голове звучит папин голос: «Отрастет твоя челка!»

Мне было пять, когда мама случайно забыла на столешнице в ванной парикмахерские ножницы. И я, ко-

нечно, сделала то, что делают в этом возрасте почти все дети: подстригла себе челку.

«Мама будет злиться!» — безутешно рыдала я. Почему-то мне казалось, что если я сама себя постригу, то волосы немедленно отрастут и никто ничего не заметит. Я отхватила добрую треть челки и села к зеркалу. Просидела так больше часа: волосы не росли. Подобрала с пола прямые каштановые пряди, я стала вертеть их в руках и соображать, как приделать их обратно к голове, но ничего не придумала и зарыдала в голос.

Папа вошел в ванную, увидел, что я наделала, со смехом подхватил меня на руки и усадил на столешницу. Потом достал что-то из шкафчика. «Смотри, как раз на такой случай я припас для тебя одну волшебную штуку», — сказал он и раскрыл ладонь. Там лежала фиолетовая заколка. «Пока ты ее носишь, мама ничего не заметит! — Он зачесал мою бедную челку набок, заколол и развернул меня к зеркалу. — Ну, видишь? Как новенькая!»

Я изумленно глядела в зеркало, не веря своему счастью. Еще бы, мне ведь страшно повезло: мой папа — волшебник!

Ту заколку я проносила, не снимая, ровно два месяца, и мама в самом деле ничего не заметила. Теперь-то я, конечно, понимаю, что папа наверняка рассказал ей о моей выходке. Но в свои пять я еще твердо верила в волшебство.

Внешне я больше похожа на маму, чем на отца. Мы обе среднего роста. В мои джинсы она уже не влезает — все же двоих родила, — зато остальными вещами мы запросто меняемся. У обеих каштановые волосы, прямые в сухую погоду и волнистые в дождь. У мамы глаза

более изумрудного оттенка, чем мои, хотя, возможно, они кажутся ярче из-за более светлой кожи.

В остальном я пошла в папу. У нас одинаковый характер, одинаковый сухой юмор, одинаковые музыкальные предпочтения, даже смех одинаковый. Кел — совсем другая история. Он унаследовал папины светлорусые волосы и мягкие черты лица. Для своих девяти он, пожалуй, мелковат, зато все недостающее с лихвой компенсирует харизмой.

Я подхожу к мойке и сую заколку под струю воды, смывая с нее скопившуюся за тринадцать лет грязь. Когда я вытираю ее насухо полотенцем, на кухню, пятясь, заходит Кел. Он странный ребенок, но я души в нем не чаю. Раз в месяц он придумал устраивать себе «День наоборот»: ходит и говорит задом наперед, а обед и ужин начинает со сладкого. Должно быть, так сказывается большая разница в возрасте между нами и отсутствие других братьев и сестер: надо же ребенку как-то развлекаться.

— Поторопиться тебе велит мама, Лейкен, — говорит он, коверкая порядок слов.

Я прячу заколку в карман джинсов, выхожу из дома и в последний раз запираю за собой дверь.

Следующие несколько дней мы проводим в дороге. Я за рулем своего джипа, мама — за рулем арендованного грузового фургона фирмы «Ю-хол». Время от времени мы меняемся. Дважды ночуем в придорожных гостиницах. Кел едет то со мной, то с мамой; последний утомительный девятичасовой перегон с одной-единственной остановкой посередине проводит со мной в фургоне. Когда мы подъезжаем к нашему городку — Ипсиланти, — я начинаю осматриваться и обращаю

Между строк

внимание на тот факт, что на дворе сентябрь, а у меня уже всюду шпарит печка. Похоже, придется обновить гардероб.

Наконец я сворачиваю направо, на нашу новую улицу, и навигатор бодро сообщает, что мы «у цели».

— Тоже мне «цель»! — смеюсь я. — Что ты знаешь о моих целях, навигатор?

По обе стороны от короткой улочки, заканчивающейся тупиком, выстроилось около восьми кирпичных одноэтажных домов. В одном из дворов я замечаю баскетбольное кольцо — есть надежда, что Келу будет с кем поиграть. Да и вообще район выглядит прилично. Газоны аккуратно подстрижены, тротуары чистые. Вот только бетона многовато. Нет: его *очень* много. Меня уже тянет обратно.

Новый хозяин скидывал нам по почте фотографии дома, поэтому я замечаю его издали. Он маленький. То есть *очень* маленький. В Техасе у нас был дом-ранчо и несколько акров земли. А крошечный участок вокруг этого домика почти целиком занят бетонными дорожками и садовыми гномами. Входная дверь распахнута настежь, а на крыльце стоит, помахивая рукой, пожилой мужчина — очевидно, наш новый хозяин.

Я проезжаю мимо, чтобы потом сдать задом и поставить грузовик дверями к входу. Прежде чем включить заднюю передачу, трясусь Кела за плечо: он дрых с самой Индианы.

— Кел, просыпайся, — шепчу я. — Мы *у цели*!

Он потягивается, зевает и, прижавшись лбом к стеклу, смотрит на наш новый дом.

— О, во дворе какой-то мальчик! Он будет жить с нами?

— Надеюсь, что нет, — отвечаю я. — Сосед, наверное. Иди познакомься, пока я тут паркуюсь.

Заехав во двор, я перевожу коробку в режим паркинга, опускаю стекла и глушу двигатель. Мама на моем джипе тоже подъезжает к дому и выходит поздороваться с хозяином. Я немного сползаю вниз по сиденью и упираюсь ногой в приборную доску, наблюдая, как Кел и его новый приятель бьются на воображаемых мечях. Завидую брату: он легко смирился с переездом, а я никак не выйду из роли обиженного ребенка.

Вообще-то поначалу, узнав о решении мамы перебраться в Мичиган, он тоже расстроился. В основном из-за того, что ему пришлось уйти из Малой лиги посреди игрового сезона. Дружья у Кела тоже были, но будем честны: лучший друг девятилетнего мальчика — обычно воображаемый и живет за океаном. Мама легко уломала Кела, пообещав на новом месте отдать его в хоккей — об этом он мечтал еще в Техасе, только на сельском юге с хоккейными командами туговато. Получив согласие мамы, Кел повеселел и стал чуть ли не с нетерпением ждать переезда.

Конечно, я понимаю, почему нам пришлось уехать. Папа был директором магазина красок и неплохо зарабатывал. Мама при необходимости брала смены в местной больнице, когда там требовались дополнительные медсестры, однако в основном занималась домом и нами. Примерно через месяц после смерти отца она смогла устроиться на полноценную работу. Я видела, что маме нелегко: папина смерть — и вдобавок новая роль главы семьи — оказались для нее очень серьезным испытанием.

Однажды за ужином она объяснила нам, что ее зарплата не хватает на оплату всех счетов и ипотеки. Старая

Между строк

школьная подруга Бренда предложила ей место получше, но в другом городе — в мамином родном городке Ипсиланти под Детройтом, где она родилась и выросла. Платить обещают достойно, куда больше, чем на любой другой работе в Техасе, поэтому она вынуждена согласиться. Я действительно ее понимаю. Бабушка с дедушкой давно умерли, и помощи нам ждать неоткуда. К сожалению, от понимания ситуации мне не легче.

— Лейкен, умри! — кричит Кел в открытое окно грузовика, вонзая мне в шею воображаемый меч; я должна рухнуть наземь, но ограничиваюсь закатыванием глаз. — Я тебя пронзил! Умирай!

— Я и так практически труп, — ворчу я, выбираясь из кабины.

Кел, понурившись, опускает глаза на свой воображаемый меч, волочащийся по бетону. У его нового приятеля вид не лучше. Пожалев, что сорвалась на детях, я решаю исправить положение.

— Я не просто труп, — рычу я самым жутким-прежутким голосом, — я зомби!

Вытянув руки перед собой, я склоняю голову набок и ковыляю к мальчикам. Те с визгом бросаются наутек.

— Мозги! — булькаю я. — Мне нужны ваши мозги-и-и!

Обогнув таким манером грузовик, я вдруг замечаю, что кто-то поймал обоих сорванцов за шкирки и несет ко мне.

— Поймал! — вопит незнакомец, показывая добычу.

Он на пару лет старше меня и гораздо выше. «Красавчик» — так его описали бы на моем месте большинство девчонок. Малыши изо всех сил сучат руками и ногами, но хватка у незнакомца крепкая: мышцы так и перекатываются под футболкой.